

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи:
Долгая улица, домъ № 13, кв. 11,
при Холмско-Варшавской Духовной Консисторіи,
въ Варшавѣ.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.
Статьи, присланныя въ редакцію для напеча-
танія, въ случаѣ надобности, сокращаются и
исправляются по взгляду редакціи.

ОТДѢЛЪ I.

ОТЧЕТЪ

Комитета по сооружеію православнаго храма
у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для
вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ вой-
ну 1877—1878 годовъ.

По 31 декабря 1899 г.

(Окончаніе)*.

Поступившія пожертвованія рас-
предѣляются по источникамъ поступ-
ленія слѣдующимъ образомъ:

Всемилоствѣйше пожаловано въ
Возѣ почившимъ Государемъ Импе-
раторомъ Александромъ Николаеви-
чемъ . . . . . 1.000 —

Пожертвовано покойнымъ Кня-
земъ Александромъ Баттенбергскимъ . . . . . 400 —

Пожертвовано начальниками, офи-
церами, нижними чинами и вообще
служащими отдѣльныхъ воинскихъ
частей, сухопутныхъ и морскихъ 30.037 98

Поступило отъ духовнаго вѣдом-
ства пожертвованныхъ и собранныхъ
епархіальными архіереями, монасты-
рями, благочинными, приходскими свя-
щенниками, причетниками и конси-
сторскими чиновниками 168.209 21½

НВ. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ
Аѳонскими монастырями 8.112 р.

Пожертвовано начальниками, пре-
подавателями и учащимися учебныхъ
заведеній, мужскихъ и женскихъ, раз-
ныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5.918 38

Пожертвовано служащими въ раз-
ныхъ правительственныхъ учрежде-
ніяхъ гражданскаго вѣдомства 20.964 53

Поступило отъ дворянства какъ
коллективно, такъ и собранныхъ по
подписнымъ листамъ и пожертвован-
ныхъ предводителями дворянства 7.634 98

Пожертвовано городскими дума-
ми, а также пожертвовано и собрано
по подпискѣ городскими головами,
членами городскихъ управъ и служа-
щими въ нихъ 55.486 32

НВ. Въ томъ числѣ пожертвовано Мос-
ковскою Городскою Думою 50.000 руб.

Собрано и пожертвовано членами
земскихъ управъ и мировыхъ учреж-
деній и служащими въ нихъ 7.189 70½

Собрано и пожертвовано началь-
никами губерній и полицейскими чи-
нами 78.601 51

Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управ-
леній Россійскаго Общества Краснаго
Креста 4.488 83

Отъ русскихъ посольствъ, миссій
и консульствъ за границею 6.559 05½

Отъ ярмарочныхъ комитетовъ 991 91

Отъ частныхъ банковъ, обществъ
и учреждений 2.222 40

*) См. № 34.

	руб.	коп.
Отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ	17.160	77
Отъ содѣлателей фабрикъ и заводовъ	8.605	02
Отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній	5.763	07
Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей	974	22
Непосредственно отъ крестьянъ	7.509	25
Отъ клубовъ и общественныхъ собраній	430	50
Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно	4.613	46
Отъ содѣлателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній	720	47
Отъ биржевыхъ маклеровъ и вонтаріусовъ	462	50
	435.944	07 ¹ / ₂

Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами:

Въ 1880 г.: отъ А. О. Лугушиной—образъ Свв. Апостоловъ Петра и Павла, въ серебряной ризѣ.

Отъ Настоятеля и Братіи Благовѣщенской Никандровской Пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный позолоченный крестъ и Св. Евангеліе въ бархатѣ, съ серебряными украшеніями.

Въ 1881 г.: отъ Мануфактуръ-Совѣтника Н. И. Оловяшвикова—церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 кадила, 4 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, миропомазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша,—мѣдные посеребренные, и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса.

Отъ священника Николаевскаго прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова—два шелковыхъ платка для престола.

Въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной—церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ гор. Пензѣ Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, кошія, ковшика и двухъ блюдовъ.

73 аршина новины (холста), доставленной Ярославскимъ Губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ).

Въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, — ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чаши, потира дискаса, съ принадлежностями.

Отъ Благочиннаго Боровскаго собора священника Василя Казанскаго—26 аршинъ холста.

Въ 1885 г.: отъ бывшаго священника л.-гв. Егерскаго полка Протоіерея Павла Фаворскаго—образъ Рождества Христова, въ серебряномъ, позолоченномъ, окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Отъ В. И. Иконникова—кіотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма, въ серебряномъ окладѣ и позолоченой рамѣ.

Въ 1893 г.: отъ чистопольскихъ мѣщанъ гг. Карнѣевыхъ—образъ святыхъ Маріи Магдалины и Иоанна Богослова, въ серебряномъ окладѣ и позолоченой рамѣ.

Въ 1893 г.: отъ Е. П. Васильчиковой—образъ Воскресенія Христова, на деревѣ отъ купола надъ Св. Гробомъ Господнемъ и образъ Св. Иоанна Рыльского, на деревѣ.

Разновременно отъ неизвѣстныхъ—святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: „Св. Равноапостольные Просвѣтители славянъ Кирилль и Меѳодій“ и „Слово въ день Св. Равноапостольныхъ славянскихъ Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, произнесенное 11-го мая 1882 г. въ Исаакіевскомъ Соборѣ Протоіереемъ Иоанномъ Полисадовымъ“.

На % расходнаго капитала Комитета воспитывалось въ 1899 году 35 болгаръ, изъ коихъ въ академіяхъ: Петербургской 8, Кіевской 5, Одесской 3, Полтавской 1, Казанской 1 и въ Кіево-Софійскомъ училищѣ 1.

Продолжавшаяся въ 1899 году строительная дѣятельность Комитета выразилась въ слѣдующемъ: зданіе церкви возведено въ чернѣ подъ главный ея карнизъ и временно покрыто крышею; внутри выведены все арки, своды, паруса, надпарусныя кольца и барабанныя стѣны пяти куполовъ на уровень скатовъ крыши. Колокольня возведена окончательно съ ея шатромъ и главкою подъ крестъ. Высота колокольни безъ креста, считая съ подошвы заложенія основанія, равняется 23-мъ саженьямъ. Трехъ-этажное зданіе для семинаріи, съ интернатомъ на 60 человекъ, окончено безъ внутренней отдѣлки и покрыто желѣзною кровлею; къ нему примыкаетъ небольшой 2-хъ этажный флигель, предназначенный для квартиръ служащихъ, также законченный въ чернѣ. Построено новое особое зданіе для больницы, съ помѣщеніемъ для фельдшера на особомъ спеціально прикупленномъ для него мѣстѣ, съ садикомъ близъ семинаріи. Старое зданіе, выстроенное для конторы лѣтъ 12 тому назадъ и предназначавшееся къ расширенію для больницы, найдено негигіеническимъ по своему положенію, обращенному окнами на сѣверо-востокъ и совершенно лишенному солнечныхъ лучей. Окончена въ чернѣ и покрыта крышею баня для семинаріи и причта. Возведено каменное зда-

ніе для водопровода въ горахъ, на берегу потока, у источника ключевой воды, съ прокладкою металлическихъ трубъ на протяженіи болѣе 200 сажени къ зданіямъ церкви, семинаріи, больницы и дома духовенства. Произведено земляныхъ работъ по выемкѣ сыроромъ и рвами подъ зданія больницы, бани и водопровода, по засыпкѣ овраговъ, урегулированію площадокъ храма, семинаріи и больницы, по устройству дорогъ, прокладка водопроводкѣ подъ Габровское шоссе и прочее—болѣе 2.000 куб. саж.

Май 1900 г.

Письмо предѣдателя Суворовской комисіи и начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Съ Высочайшаго соизволенія на Преображенскомъ плацу будетъ сооруженъ музей имени Генералиссимуса Суворова, на средства, собираемыя со всей русской земли. Создается памятникъ, въ которомъ будетъ собрано все свидѣтельствующее о нашемъ народномъ героѣ; рядомъ съ этимъ памятникомъ будетъ находится Суворовская церковь, въ которой онъ много молился, невидимою рукою подготавливаемый къ своему послѣднему великому подвигу въ вѣсяхъ и въ ущельяхъ швейцарскихъ Альпъ, обезсмертившему чудо-богатырей—русскихъ людей. Если Суворовская церковь и внутреннее содержаніе Суворовскаго памятникъ сами собою будутъ достаточно свидѣтельствовать о духѣ и о дѣяніяхъ народнаго героя,—то вполне понятно общее желаніе, чтобы и по внѣшности будущее зданіе музея—памятника Суворову—самимъ видомъ своимъ говорило бы массѣ о великомъ чудо-богатырѣ.

Осуществленіе этого желанія всецѣло зависитъ отъ средствъ, которыя будутъ собраны на устройство музея. Въ настоящее время „Суворовская складчина“ располагаетъ только суммою въ 120.000 р., доставленныхъ со всѣхъ концовъ Россіи,—по преимуществу, мелкими вкладами—рублями, пятаками, копейками... Для усиленія средствъ, нынѣ Государемъ Императоромъ разрѣшено привлечь къ участию въ „складчинѣ“ нижнихъ чиновъ, причемъ какъ имъ, такъ и всѣмъ военнымъ служащимъ въ каждой части и въ каждомъ учрежденіи представляется возможность произвести свой вкладъ корпоративно мѣромъ.—Такъ поработаетъ и послужитъ на „Суворова“ все наше воинство и каждая воинская часть; каждое учрежденіе можетъ имѣть свой „Суворовскій день“, отдавъ заработокъ въ „Суворовскую складчину“.

Но Суворовъ не только герой русскаго воинства, —онъ герой русскаго народа, а потому и всѣ классы

его, всѣ общественныя группы, всѣ учрежденія могутъ опредѣлить себѣ свои „Суворовскіе дни“, въ которые тѣмъ или другимъ путемъ, корпоративно послужить на Суворова взносами въ складчину его имени.

О вышеизложенномъ считаю долгомъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, на случай, если бы Вы пожелали принять участіе въ нашемъ общемъ русскомъ дѣлѣ сбора средствъ на Суворовскій музей или оказать содѣйствіе этому дѣлу въ средѣ единомыслящихъ съ Вами ¹⁾.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокой преданности.

Николай Сухотинъ.

На семь писемъ послѣдовала слѣдующая резолюція Его Высокопреосвященства „10 августа 1900 г. Напечатать въ Епархіальномъ Вѣстникѣ съ приглашеніемъ духовенства къ пожертвованіямъ“.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Поступили: въ пользу Вировской женской общины и школь при ней: Отъ протоіерея Іоанна Сергіева *Кронштадтскаго* 300 р.; отъ Сѣдлецкаго вице-губернатора А. Н. *Малаева* 28 р.; отъ полковника В. А. *Соколова*, изъ Сѣдльца 5 р.; отъ редакціи „Церк. Вѣдомости, изъ средства В. К. *Саблера*, 46 р. 46 к.

Въ пользу церкви с. Воскреницы Сѣдл. губ. отъ жителя г. Москвы *Баева* 100 р.

Прихожане церкви с. Неледова, въ память 25-лѣтія воссоединенія съ православною церковью соорудили для церкви двѣ иконы въ кіотахъ, стоимостью въ 75 р. каждая.

Въ пользу церкви г. Ново-Александріи пожертвовано священныхъ облаченій на сумму 350 р.

На нужды Горышовъ-Польской церкви жительницею г. Москвы Елисаветою *Ляжиной* пожертвовано 100 рублей.

Въ Славатычскую церковь житель Петербурга Александръ *Кобычевъ* пожертвовалъ двѣ иконы стоимостью 120 р.

Въ Стрѣлецкую церковь пожертвовали: житель г. Москвы Павелъ *Найденковъ* 10 р.; житель г. Оренбурга Иванъ *Черновъ* 15 р. и житель г. Можайска Сергій *Хлыбниковъ* 100 р.

Въ церкви сель Виторожа и Колемброда поступили пожертвованія отъ Елисаветы *Ляжиной* 4 бронзовыя позолоченныя хоругви и 2 полныхъ священническихъ съ діаконскими облаченія; все цѣной въ обѣ церкви въ 400 р.

Въ Петропавловскую церковь г. Межирѣчье по-

¹⁾ Вклады и взносы могутъ быть направлены въ Главный Штабъ или въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба на имя Предѣдателя Суворовской комисіи.

жертвовано тоюже *Ляминой* разными вещами на сумму въ 250 р.

Въ Николаевскую церковь г. Межирѣчье, въ удовлетвореніе нуждъ, вызываемыхъ ремонтомъ означенной церкви, пожертвовали: крестьянинъ д. Луковиско *Теодоръ Петрукъ* 50 р.; крестьяне деревни *Засядокъ Григорій Корольчукъ* 10 р.; вдова *Марія Ефимова* 146 р. и прихожане тойже церкви 62 р. Кромѣ того означенная вдова *Марія Ефимова* пожертвовала серебряный позолоченный на престольный крестъ цѣною въ 40 р. 60 к. и въ приписную Луковискую церковь—складень въ 5 р.

Въ церковь с. *Стрижева* мѣстные прихожане пожертвовали 460 р. на обложку ограды вокругъ церкви.

Въ церковь с. *Тарнсватки* поступили пожертвованія: отъ начальника земской стражи *Томашовскаго* уѣзда *Василія Томенко*, въ молитвенную память о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ *Александрѣ III* икона Пресв. Богородицы и копія съ иконы *Почаевскія* иконы Божіей Матери, стоимостью въ 20 р. и отъ подполковника *Бородинскаго* полка *Николая Острикова*, въ память воссоединенія съ православною церковію уніатовъ: икона св. *Николая Чудотворца*, стоимостью въ 45 р.

Всѣмъ означеннымъ жертвователямъ выражена признательность Епархіальнаго Начальства и преподаано Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Молитвенное обращеніе ко всѣмъ святымъ.

(Изъ твореній блаженнаго Августина)¹⁾

Блаженны вы всѣ, святые Божи, перешедшіе уже это мертвое море и сподобившіеся войти въ пристань всегдашняго покоя, безопасности и тишины,—теперь вы безпечальны и радостны! Молю васъ любовію вашей, будьте попечительны о насъ. Тѣмъ Самымъ прошу васъ, красотою Котораго вы уже наслаждаетесь, отъ безсмертія Котораго вы стали безсмертны, блаженнѣйшимъ лицезрѣніемъ Котораго вы всегда веселитесь: помните насъ всегда, помогайте намъ несчастнымъ, которые еще на морѣ этой жизни колеблемся окружающими насъ со всѣхъ сторонъ бурями.

Вы врата прекрасныя, вознесшіяся до высоты великой! Помогите намъ, долу поверженнымъ; подайте руки ваши и воздвигните лежащихъ, да, испѣлившись отъ немощи, сдѣлаемся крѣпкими въ борьбѣ. Моли-

те непрестанно Бога о насъ, бѣдныхъ и нерадивыхъ грѣшникахъ. Мы носимся по морю жизни великому и пространному, гдѣ находятся пресмыкающіяся, котормъ нѣтъ числа,—гдѣ мѣста опасныя, пропасть и пучина, въ которыхъ погибаютъ колеблющіеся въ вѣрѣ.

Молите Господа, молитесь, все множество святыхъ и безчисленные сонмы блаженныхъ, чтобы помощію вашихъ молитвъ съ неповрежденнымъ кораблемъ и цѣлыми товарами мы сподобились войти въ пристань вѣчнаго спасенія, покоя и непрерывнаго мира.

Нравственность высшаго круга польскаго общества въ періодъ паденія Польши.

Полная нравственная деморализація высшаго польскаго общества въ концѣ XVIII в. для всякаго непредубѣжденнаго читателя служить достаточнымъ объясненіемъ многихъ загадокъ польской исторіи. Дѣйствительно, распущенность вліятельныхъ и богатыхъ пановъ иногда достигала до невозможнаго безобразія. Отмѣтимъ нѣсколько такихъ фактовъ по книгѣ г. *Де-Скороховскаго* „Отъ мрака къ свѣту“.

Китовичъ, въ своемъ „Описаніи польскихъ обычаевъ временъ *Августа III*“, рассказываетъ о знаменитомъ въ свое время *Адамѣ Малаховскомъ*. „Много было несчастныхъ, которыхъ судьба завлекла къ нему въ гости: они принуждены были пить до того, что тутъ же засыпали вѣчнымъ сномъ. Было у него страшилище: кубокъ, съ вырѣзанными тремя сердцами и съ надписью „Corda fidelium“, туда входило полгарнца. Кто бы къ нему ни пріѣхалъ — такой-ли знатный панъ, какимъ онъ былъ самъ, простой ли шляхтичъ, жидъ, или посыльный слуга—хозяинъ кормилъ его по достоинству завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени пріѣзда гостя, а потомъ приказывалъ подать „Corda fidelium“ и заставлялъ пить залпомъ; если же гость, какъ случалось, не выпивалъ, слуга немедленно доливалъ до тѣхъ поръ, пока гость не сваливался безъ чувствъ, или не выпускалъ дыханія. Всѣ обѣгали *Банкову-Гуру*, какъ называлось его имѣніе, и если кого онъ звалъ къ себѣ въ гости, то гостю прежде нужно было взять отъ него *salvum conductum*, съ присягою въ томъ, что гость не подвергнется испитію роковаго „Corda fidelium“. Я самъ, говоритъ рассказчикъ, едва избавился отъ этой бѣды и убѣждалъ безъ сабли, шапки и лошади“.

„Панъ *Малаховскій* хвалился, что нѣтъ на свѣтѣ человека, который бы выпилъ залпомъ „Corda fidelium“. Но нашелся одинъ *бернардинъ*, смѣло пріѣхалъ въ домъ *Малаховскаго* и, подвергнутый пыткамъ питья, нѣсколько разъ отпивалъ кубокъ, и послѣ нѣсколькихъ доливаній, однимъ залпомъ опорожнилъ „Corda fidelium“. Другой знаменитый обжора и пьяница, панъ *Борейко*, созывалъ къ себѣ разныхъ орденъ мона-

¹⁾ См. Migne, Patr. curs. compl. t. XL (ser. lat.), I. Aurelii Augustini opera, t. VI, Meditationum liber unus cap. 24, col. 926.

ховъ, заперся съ ними на нѣсколько дней, поилъ до безобразія и заставлялъ цыганъ отпирать урочныя дневныя богослуженія. Онъ построилъ близъ своего двора часовню святого Яна Непомука, установилъ ее лавками и скамьями, велѣлъ приносить туда значительное количество вина, пива и водки, самъ садился въ часовню съ четками и молитвенникомъ и останавливалъ всѣхъ ѣдущихъ по дорогѣ, какого бы званія они ни были: монахъ ли, жидъ, обыватель или хлопъ— все равно; панъ Борейко выходилъ изъ своей часовни, разспрашивалъ, кто такой, куда ѣдетъ, зачѣмъ, выпивалъ за его здоровье вина, предлагалъ ему и поилъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сваливался съ ногъ. Панъ Борейко не приневоливалъ къ испитію кубковъ залпомъ, а позволялъ пить съ роздыхомъ. Его обжорство вошло въ такую славу, что составила поговорка: „а чтобъ ты такого чорта съѣлъ, какъ панъ Борейко съѣтъ!“

Въ Люблинскомъ краѣ, какъ сообщаетъ Козмянъ, былъ подобный гуляка Михаилъ Грановскій; у него былъ такой обычай, что когда подошьетъ, то раздѣнется донага и гостямъ велитъ тоже дѣлать, а кто не хотѣлъ, того раздѣвали насильно. „Я американецъ,“ кричалъ онъ при этомъ. Было у него два завѣтныхъ кубка; одинъ въ пять бутылокъ вмѣстительности и назывался „орломъ“, а другой назывался „уткою“ и вмѣщала три бутылки. Однажды въ Люблинѣ, въ трибуналѣ онъ выигралъ процессъ и собралъ къ себѣ на пиръ членовъ трибунала; только президентъ не поѣхалъ къ нему, потому что былъ нездоровъ. Подпивши хорошевыко, панъ Грановскій кричалъ: „я американецъ, кто меня любитъ, пусть дѣлаетъ то, что я“. Вслѣдъ затѣмъ онъ мгновенно раздѣлся и выскочилъ на улицу. Въ угодность ему раздѣвались гости и выскакивали за нимъ. Небогатые шляхтичи пустились бѣжать, потому что имъ было стыдно показать грязное и рваное бѣлье. Гайдуки и лакеи догоняли бѣглецовъ и съ помощью гостей, хотѣвшихъ угодить панской фантазіи, раздѣвали ихъ. Предъ крыльцомъ на улицѣ, по давнему прежде приказанію, стояла огромная запряженная бричка съ двумя бочками вина, былъ въ числѣ гостей нѣкто Бадовскій, знаменитый обжора; онъ за завтракомъ выпилъ четыре бутылки портеру, потомъ съѣлъ цѣлое блюдо битого жаренаго мяса, каши и два кашлуна и запилъ все это четырьмя бутылками вина. Этотъ знаменитый полякъ съѣлъ на бочку, представляя изъ себя Бахуса, огромной разливательной ложкой черпалъ вино и наливалъ въ кубки, которые подставляли идущіе около брички нагіе собесѣдники. Было ихъ числомъ человѣкъ восемьдесятъ; всѣ они страшно кричали, пѣли, плясали, а нѣкоторые, не выдержавшіе огромнаго количества попойки, принятаго въ себя, падали на землю и извергали поглощенное. Такая толпа бросилась на домъ, гдѣ жилъ президентъ, выломала запертыя двери, стащила съ постели больного и хотѣла вести за своею

процессією. На силу онъ умоилъ ихъ оставить его въ покоѣ.

Выходки такого рода были тогда въ большой модѣ. Духовныя особы не отставали въ этомъ отъ свѣтскихъ. Тотъ же Козмянъ рассказываетъ, что въ его время въ Люблинѣ былъ ксендзъ Ленчевскій, носившій титулъ Абдеритскаго епископа, большой любитель и даватель пировъ. Однажды онъ давалъ пиръ по случаю полученія ордена и, когда уже всѣ подпили пьяный епископъ кричалъ: „я кавалеръ! пойдѣмъ по улицѣ съ музыкой“. Всѣ вышли на улицу, гости пляшутъ, епископъ впереди подплясываетъ и припѣваетъ! „дай мнѣ ночку ночевать смочилъ меня дождикъ!“ А потомъ вскрикиваетъ: „я кавалеръ!“ Монахи были большіе кутилы. Въ монастыряхъ умѣли готовить отличные меды, наливки, старую водку; монаховъ приглашали даже въ обывательскіе дома, какъ специалистовъ готовить напитки. Всегда радушный и хлѣбосольный монастырь только по наружности прикрывался аскетизмомъ; монахи на виду народа, въ церкви, корчили постныя лица, а между тѣмъ обители ихъ были открыты для веселыхъ поклонниковъ Бахуса и Амура; и повсюду въ обывательскихъ домахъ монахи были самыми веселыми собесѣдниками. „Я видѣлъ, говоритъ Козмянъ, какъ одна гостепріимная пани держала за поясъ монаха, а другой рукой наливала ему вина; онъ же, въ угоду ей, прыгалъ, представляя медвѣдя на цѣпи“.

Еще Костомаровъ въ своей монографіи „Послѣдніе годы рѣчи Посполитой“ намѣтилъ много яркихъ фактовъ крайней деморализаціи высшаго польскаго общества въ XVIII в. Де-Скroxовскій собралъ въ своей книгѣ обширный и любопытный матеріалъ по этому вопросу. Но все это—мужчины, поляки. Какіе же нравы проявляли женщины высшаго общества, польки?

Когда поляки до безобразія предавались пьянству, обжорству и своевольству, польки увлекались до безумія танцами и увеселеніями. Были въ Польшѣ богатыя пани, которыя всю жизнь безпрестанно устраивали у себя кулиги, театры, балы и разныя забавы, предаваясь при этомъ разврату. Тогда, какъ мужья ихъ приневоливали пожилыхъ гостей пить до безчувствія венгерское, жены приневоливали молодежь танцовать до потери ногъ и рукъ. У веселой госпожи были безпрестанные съѣзды подъ разными предлогами; то чьи-нибудь именины, то дни рожденія, то годовщина брака, то просто праздники, а тутъ еще у нихъ были кліентки, панны резидентки, жившія у нихъ, или сосѣднія обывательскія дочки, которымъ онѣ покровительствовали; онѣ знакомили съ ними посѣщавшихъ ихъ молодыхъ людей и устраивали свадьбы; и вотъ, являлся новый предлогъ къ танцамъ.

Точно какъ панъ Борейко или панъ Малаховскій затаскивали къ себѣ гостей для попойки, такъ охотницы до плясокъ и другихъ развлеченій ловили всюду плясуновъ и дамскихъ угодишковъ. Во второй полови-

въ XVIII вѣка, въ мѣстечкѣ Белжицахъ была такая госпожа по фамиліи Коссовская, сама очень богатая по наслѣдству, жена богатаго пана, державшая мужа въ повиновеніи. Въ ея мѣстечкѣ факторы изъ іудеевъ, ради прибыли, для угожденія пани, подмѣчали такихъ проѣзжихъ, которые, по наружному виду, могли поправиться пани; одни хватали лошадей и задерживали экипажъ, другіе бѣжали въ панскій дворъ и давали знать, а вслѣдъ за ними выбѣгали служители и резидентъ, насильно заворачивали въ панскій дворъ и приводили плѣнника въ панскій палацъ на нѣсколько дней, а иногда на нѣсколько недѣль. Не помогали ни жалобы, ни просьбы, ни изложеніе нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, ни даже влятвы и обѣщанія скораго пріѣзда; иногда самъ супругъ просилъ отпустить плѣнниковъ, но „неумолима была польская Цирцея, говоритъ современникъ Козмянъ, и превращала своихъ плѣнниковъ въ танцоровъ и угодниковъ своихъ шалостей и вакхическихъ утѣхъ”. Какъ только гости побѣждаютъ вкусно и сытно да погрѣютъ себя венгерскимъ, такъ является двадцать четыре музыканта, начинаются тавцы и продолжаются далеко за полночь. Случалось, кто-нибудь выбьется изъ силъ, убѣжить изъ залы, забьется въ какой-нибудь закоулокъ и засветъ мертвецки; замѣтитъ хозяйка его отсутствіе, дастъ приказаніе; отыщутъ бѣглеца, иногда раздѣтаго несутъ съ постелью въ залу, обливаютъ водой, сѣкутъ розгами и заставляютъ плясать. При страсти къ забавамъ и гостепримству, паны очень мало заботились объ удобствахъ для своихъ гостей. Плясуны и питухи спали какъ попало; женщинамъ не было пристойныхъ помѣщеній; каждое утро послѣ баловъ тѣснота, беспорядокъ, нечистота царствовали въ панскомъ домѣ. За множествомъ гостей, невозможно было всѣхъ помѣщать въ домѣ и во флигеляхъ, которые обыкновенно окружали главное зданіе панскаго жилища, и гости помѣщались въ грязныхъ еврейскихъ корчмахъ вмѣстѣ съ толпою прислуги, которая пьянствовала и безчинствовала въ мѣстечкѣ въ то время, какъ ея господа пили и плясали въ панскомъ палацѣ.

Женскіе монастыри, гдѣ шляхта воспитывала своихъ дочерей, были домами безпутства и разврата. Чтобы насъ не обвинили во лжи и клеветѣ, мы укажемъ на „Acta Actorum“ V, страница 81, гдѣ записано, что „въ 1553 году на засѣданіи краковскаго капитула, епископъ Зебжидовскій внесъ запросъ о томъ, какъ ему поступить съ монахинями францисканскаго монастыря св. Андрея въ Краковѣ, проводящими жизнь въ безобразномъ развратѣ. По словамъ епископа онѣ не только вводятъ къ себѣ мужчинъ—мірянъ, но пиршествуютъ и пьютъ съ ними цѣлыми ночами, во всякое время выходятъ въ ихъ компаніи изъ монастыря и предаются гнусному непотребству. Краковскій капитулъ объявилъ епископу, что въ данной депутатамъ, высланнымъ въ синодъ въ 1551 г., инструкціи значилось, что комиссаръ францисканскаго орде-

на Лисманинъ находится во враждѣ съ монахинями монастыря св. Андрея. Поводомъ къ тому, какъ свидѣтельствуютъ каноники, являются два обстоятельства: во-первыхъ, то, что монахини не дали ему овладѣть своими имѣніями; во-вторыхъ, интриги его любовницы—одной изъ монахинь. Въ той же инструкціи значилось, что монахини часто рожаютъ дѣтей и убиваютъ ихъ“.

Цѣлая серія историческихъ документовъ свидѣтельствуетъ о полной деморализаціи высшаго польскаго общества въ концѣ XVIII в.,—именно въ тѣ годы, когда печальныя и суровыя обстоятельства требовали особой энергіи, стойкости и доблести отъ лучшихъ представителей польскаго народа. Одинъ изъ наиболѣе яркихъ и убѣдительныхъ документовъ этой категоріи приводитъ въ своей книгѣ „Отъ мрака къ свѣту“ г. Де-Скроховскій.

Саксонскій министръ Эссенъ, служившій въ то время въ Польшѣ, изобразилъ въ 1784 году въ самыхъ черныхъ краскахъ нравственный уровень поляковъ высшаго класса. „Двадцатилѣтнее царствованіе (говоритъ онъ) Станислава-Августа, оказывающаго примѣрное равнодушіе ко всему, что честно, прилично и достойно уваженія, произвело такую распущенность, какой не представляетъ Европа нигдѣ. Поступки, за которые въ другихъ странахъ подвергаются тѣлесному наказанію, совершаются здѣсь высшими сановниками, и нѣтъ имъ за то наказанія. Они живутъ въ Варшавѣ близъ короля, при его дворѣ, состоя въ своихъ должностяхъ. Хотите подробностей? Не угодно ли узнать воеводу, который укралъ перстень, или графа, мальтійскаго кавалера, которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, жена русскаго воеводы сказала публично: „вы у меня украли часы; не большой вамъ отъ этого выигрышъ: они стоятъ всего восемьдесятъ червонцевъ.“ А вотъ кавалеръ синей ленты (Бѣлаго Орла). Онъ приказалъ украсть свои заемныя обязательства у адвоката, которому его заимодавцы дали ихъ для взысканія по нимъ денегъ. Этотъ фактъ случился всего двѣ недѣли тому назадъ (писано 1 мая 1784). Есть въ республикѣ министръ, который со своимъ камердинеромъ пошлетъ въ залогъ свое серебро, и прикажетъ отправить это серебро въ свое имѣніе; а потомъ начнетъ процессъ противъ тѣхъ, которые ему дали денегъ подъ серебро впередъ, не получивши еще залога, требуетъ обратно серебро, не платитъ денегъ, подѣ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро, а камердинеръ черезъ полгода опять у него служить. А вотъ другой министръ—несправедливо захватилъ имѣніе у сосѣда. Трибунальскій декретъ далъ послѣднему право вступить во владѣніе своею собственностью. Министръ подалъ апелляцію въ постоянный совѣтъ, гдѣ самъ засѣдаетъ. При явной подачѣ голосовъ онъ выигрываетъ, при тайной проигрываетъ. Тогда онъ поручаетъ своему сыну, полковнику, съ вооруженною силою захватить имѣніе. Послѣ сраженія

между солдатами и крестьянами, въ которомъ пало тридцать четыре человѣка солдатъ, полковникъ убѣжалъ. Одного воеводу потянули къ суду за составленіе фальшивыхъ векселей, другой въ судѣ отрекся отъ собственноручной подписи, третій держалъ у себя въ домѣ фальшивыя карты и обыгрывалъ молодыхъ людей; такую неприятность испыталъ и королевскій племянникъ. Четвертый продавалъ имѣніе, которое ему не принадлежало, такъ что покупатель, пріѣхавши въ купленное имѣніе, нашелъ тамъ иного собственника, который принялъ его за сумасшедшаго. Пятый, чтобъ сдѣлать себя ложнымъ банкротомъ, выдумалъ на свое имя залоги и собиралъ спокойно съ нихъ доходы подъ чужимъ именемъ, а заимодавцамъ своимъ не платилъ. Шестой разорвалъ вексель передъ глазами своего заимодавца и приказалъ послѣдняго крѣпко отколотить. Седьмого смущаетъ опять королевскій чиновникъ обѣщаніемъ опубликовать его имя въ газетахъ, за то, что тотъ отрекается въ займѣ денегъ у вѣнскаго гражданина, который выручилъ его отъ заимодавцевъ. Осмой—коронный офицеръ, заманилъ къ себѣ молодую даму, приказалъ своимъ слугамъ придержать ее и въ такомъ положеніи ее изнасиловалъ. Девятый взялъ у иностранца — врача на сохраненіе вещи, цѣною на три тысячи червонцевъ, и потомъ отрекся отъ своего долга. Я упоминаю только о такихъ поступкахъ, которые въ высшей степени преступны и совершены въ послѣднее время лицами высшаго общества, занимающими притомъ важныя мѣста въ государствѣ, устраивающими у себя блестящія собранія, о которыхъ никто не скажетъ дурного слова, хотя знаютъ всѣ, что за ними водится. Стало быть саксонскій маршалъ (Marschal de Saxe — извѣстный Морицъ, побочный сынъ Августа II, знаменитый полководецъ) не былъ неправъ, сказавши, что полунегодаѣ въ Германіи — будетъ въ Польшѣ честнѣйшимъ человѣкомъ... Еслибъ курфирсту повалилось, чтобъ я указалъ ему три честныхъ и прямыхъ личности въ Польшѣ, я бы не могъ указать ни единой. Государи, — говорятъ поляки, — ничего не дѣлаютъ безъ собственныхъ выгодъ; мы республиканцы и государи; мы готовы служить чужимъ государямъ, насколько они намъ дѣлаютъ. И вотъ Россія, великая и страшная держава, истрачиваетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ червонцевъ въ годъ на пенсіоны для того, чтобы въ постоянномъ совѣтѣ, въ скарбовой комиссіи и въ другихъ учрежденіяхъ держать служащихъ ей людей; а все-таки, не смотря на повелѣнія и письма императрицы, русскіе подданные постоянно проигрываютъ процессы. Такое состояніе дѣлъ, достойное удивленія, до того взволновало одного изъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, что онъ съ каждою почтою проситъ увольненія изъ этой разбойничьей страны, гдѣ онъ живетъ только два года. Онъ говоритъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ отставку отъ службы вовсе, потому что честному человѣку унижительно за-

нимать здѣсь должность министра“. Это былъ англійскій министръ, лордъ Dalrymple.

Но не только иностранцы, проживавшіе въ Польшѣ съ такимъ презрѣніемъ отзывались о полякахъ. Самый горячій патриотъ того времени Коллонтай, въ своихъ письмахъ говоритъ: „Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе и развратъ въ семействѣ, несправедливость въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ, все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость“.

Польскій же историкъ Котовичъ знакомитъ насъ съ происхожденіемъ нынѣшнихъ аристократическихъ родовъ въ Польшѣ. Онъ говоритъ: Среди насъ почти нѣтъ настоящихъ поляковъ, такихъ, которые дѣйствительно принадлежали бы тѣмъ, которыхъ считаютъ отцами. Все это дѣти танцмейстеровъ, фехтмейстеровъ, гувернеровъ, нерѣдко дѣти камердинеровъ и гайдуковъ“.

Такое происхожденіе панскихъ дѣтей не составляло тайны. Костомаровъ говоритъ, что „среди лихорадочной страсти къ удовольствіямъ, семейная нравственность въ столицѣ Польши упала такъ низко, какъ и гражданская. На супружескій союзъ смотрѣли только, какъ на сдѣлку для взаимныхъ видовъ. Въ знатныхъ домахъ обыкновенно мужъ жилъ на одной половинѣ, жена на другой, панъ содержалъ трехъ, четырехъ любовницъ, пани имѣла разомъ трехъ, четырехъ любовниковъ. Все это дѣлалось почти явно, никто этимъ не соблазнялся. Ревность была качествомъ наименѣе угоднымъ поляку; онъ склоненъ былъ выходить на поединокъ за малѣйшее слово, которымъ задѣнутъ его самолюбіе, но уважалъ женскую свободу, какъ свою, и рѣдко оспался за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ“. Къ этому пріучали его ксендзы и монахи, пользовавшіеся свободой доступа, во всякое время, на женскую половину для „назидательныхъ бесѣдъ“.

Судьбы католицизма въ Польшѣ не были бы понятными, если бы при изслѣдованіи этого вопроса не было обращено должнаго вниманія на характеръ польской шляхты и на тѣ нравы и обычаи, которые утвердились въ Польшѣ. Г. Де-Скороховскій въ своей книгѣ „Отъ мрака къ свѣту“ сообщаетъ по первоисточникамъ огромный матеріалъ по этому вопросу.

Чтобы видѣть образчикъ нравовъ свободныхъ гражданъ Рѣчи-Посполитой, укажемъ на описаніе сеймика въ Люблинѣ, оставленное современникомъ Козмянномъ въ его запискахъ: „Наши сеймики“ — говоритъ онъ — „отправлялись лѣтомъ или раннею осенью; у моего отца занимался сарай за іезуитскимъ монастыремъ, безъ оконъ и безъ дверей, предназначенный для ночлега шляхтѣ, и съ этою цѣлью возили туда солому и сѣно. Другіе помѣщались по монастырскимъ конюшнямъ и строеніямъ, а ѣли они въ монастырскихъ

переходахъ, гдѣ можно было помѣстить наразъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, поэтому собесѣдниковъ смѣняли однихъ другими; тутъ необходимо безъ дракъ и спень. Столы застилались простыми скатертями. Сперва тарелки и ложки были оловянные, но такъ какъ шляхта ихъ ломала или воровала, то замѣняли ихъ жестяными. Трудно было уберечь столовую утварь: пропадали со стола не только ножи, вилки и ложки, но даже скатерти; поэтому столы стали покрывать толстымъ полотномъ и прибивать гвоздями. Салфетокъ не было: ихъ замѣняли помы контушей. Однажды, во время такого обѣда взошелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой эпанчѣ съ капюшономъ, и протѣсняясь къ столу, кричалъ:—Паны-братья! Вы ѣдите, а я голоденъ, со вчерашняго дня не ѣлъ!—А зачѣмъ не пришелъ раньше?—кричали ему. Шляхтичъ сталъ вырывать у сидящихъ вилки, его оттолкнули отъ стола. Въ это время несли огромную миску съ горячими рубцами (фляками); шляхтичъ бросается на миску, жретъ фляки и обжигается. Тутъ собесѣдники выскакиваютъ изъ-за стола, тѣ рвутъ у него изъ рукъ миску, тѣ дергаютъ за капюшонъ, а тѣ кричатъ ему: „насыщайтесь, когда не ѣли“, и цѣлюю миску горячаго кушанья выкладываютъ ему въ капюшонъ. Шляхтичъ, обожженный въ плечи горячими рубцами, кричитъ и скачетъ; собесѣдники бросаются на него съ вилками и ложками, хотятъ достать рубцы изъ капюшона, не попадаютъ и колютъ шляхтича-забіяку; наконецъ, срываютъ съ него капюшонъ, выкладываютъ рубцы опять въ миску и ѣдятъ дружно. Подобный случай видѣлъ я на другомъ сеймикѣ съ блюдомъ пироговъ: схватилъ его голодный шляхтичъ и побѣждалъ; его стали догонять и ворвались въ мое помѣщеніе; шляхтичъ выбросилъ жирные пироги въ каминъ, наположенный золою, а другіе отпихнули его прочь, доставали пироги изъ золы и ѣли. На третьемъ сеймикѣ, который приходился лѣтомъ, давали шляхтѣ ужинъ, продолжавшійся до свѣчь; повару пришлось въ голову поподчивать гостей компотомъ изъ вишенъ. Сперва паны-братья ѣли, а потомъ надоѣло имъ выбирать косточки и они стали другъ друга мазать и красить вишневымъ сокомъ, такъ что вся громада казалась окровавленной. Тутъ прибыла новая шляхта и думала, что происходила драка, и всѣ хватились за сабли. Предводительствовалъ ими шляхтичъ изъ села Собѣщанъ, по фамилии Ходковскій, большой рубака. Между селами Тарновкою, Старовѣсью и Собѣщанами давно уже былъ споръ за первенство; тарновянамъ и старовѣсьянамъ не нравилось, что первенствуетъ шляхтичъ изъ села, которое они считали меньшимъ. Ходковскій, видя, что война идетъ только на вишняхъ закричалъ: паны-братья, перестаньте дурачиться, объ васъ подумаютъ, что вы рубились. — А, вы насъ учить?—закричали Тарновка и Старовѣсь, — мы васъ научимъ, когда такъ! И, погасивши свѣчи, они бросились на него съ саблями. Ходковскій, неустраши-

мый и сильный, въ темнотѣ отбиваетъ нападеніе, обнажаетъ палашъ и, опершись плечомъ объ окно, машетъ своимъ оружіемъ, обрубаютъ противникамъ пальцы, задаетъ раны по головамъ и по лицамъ. На этотъ разъ брыжжетъ уже не вишневымъ сокомъ. Нѣкоторые принесли свѣчи, кричали: братья-шляхта! не проливайте крови! и пытались разнять свалку. Тѣ грозятъ, другіе бранятъ, раненные плачутъ. У Сцибора и у Собѣщанъ не стало пальцевъ, другіе приобрѣли порядочныя парapiны по лбу и по щекамъ. Ходковскаго постарались запереть, а то шляхта изрубила бы его на куски.

На счастье, не было на этой сценѣ шляхтича изъ Старовѣси, Доморадскаго. При немъ буря не такъ бы скоро успокоилась. Этотъ шляхтичъ, какъ много другихъ, не умѣлъ ни читать, ни писать, за то силенъ былъ какъ Геркулесъ, широкоплечъ, жиловатъ, средняго возраста, уже съ просѣдью; своею физическою силою, способностью много выпить и умѣньемъ обращаться съ саблею сталъ онъ извѣстенъ на ярмаркахъ и сеймикахъ. Отецъ мой держалъ его у себя, какъ ассистента, далъ ему должность лѣвничаго, жалованье, пару платья на каждый годъ, и бралъ съ собою на сеймики. Люблинская шляхта, не смѣла его зацѣпить, а напротивъ, выбрала его себѣ ватажкомъ. Такъ саясь по ночамъ между шляхтою, завелъ онъ ссору съ Луковскою шляхтою, которая не смѣла на него броситься открыто, а задумала отомстить ему коварнымъ способомъ. По окончаніи сеймика, Луковская шляхта сдѣлала на него засаду въ переходахъ у Доминиканцевъ; одни занимали его разговоромъ въ костелѣ, чтобы онъ не вышелъ вмѣстѣ съ моимъ отцемъ, а другіе ждали его за дверьми костела. И только что Доморадскій перешагнулъ за порогъ костела, какъ раздался крикъ: попался, молодецъ! и бросились на него съ обнаженными саблями. Нашъ Геркулесъ обнажилъ свой палашъ и уже нѣсколькихъ порядочно намѣтилъ, какъ вдругъ у него переломился клинокъ. Шляхта рубить безоружнаго; онъ закрываетъ себя шапкою отъ ударовъ; раны нанесли ему не глубокія, но кровь все-таки течетъ. Неустрашимый Доморадскій схватилъ поперегъ одного шляхтича, который задорнѣе всѣхъ лѣзъ впередъ, и началъ имъ обороняться. Бѣдный шляхтичъ получилъ за него нѣсколько ранъ, кричалъ своимъ: „оставьте“, а самъ какъ держалъ въ рукѣ саблю, такъ и продолжалъ ею отчаянно махать и защищалъ отъ ранъ своего же врага. Наконецъ, Доморадскій увидѣлъ приставленный къ стѣнѣ столъ, покинулъ шляхтича, залѣзъ подъ столъ, приподнялъ его на голову и сталъ пробиваться впередъ. Шляхта продолжала бросаться на него съ саблями, но удары доставались столу, и Доморадскій, пробившись, такимъ образомъ, на улицу упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Тутъ на выручку ему прибѣжала шляхта Люблинская и разогнала его непріятелей. Моего отца извѣстили, что Доморадскій

лежить безъ дыханія на улицѣ. Мой отецъ отпра- влялся тогда на званый обѣдъ и тотчасъ послалъ двухъ своихъ ассистентовъ, далъ два червонца на доктора и фельдшера и приказалъ отвезти Доморад- скаго въ госпиталь „милосердныхъ дѣвицъ“. Но ка- ково же было его удивленіе, когда онъ черезъ нѣ- сколько часовъ, вернувшись съ обѣда, увидѣлъ пе- редъ собою Доморадскаго. Онъ былъ, правда, весь въ крови, но съ хмѣльной головою, обклеенною бѣлы- ми бумажными лентами, которыми залѣпилъ себѣ ра- ны. Доморадскій проилъ посланные ему два червон- ца и готовился расчитаться со шляхтою но отецъ мой отправилъ его поскорѣе къ себѣ въ имѣніе.

Нѣсколько словъ о громогласномъ чтеніи въ церкви.

Въ одномъ изъ №№ „Церковныхъ Вѣдомостей“ напечатана небольшая замѣтка о томъ, какое впе- чатлѣніе производитъ наше православное богослу- женіе на иностранцевъ. Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, сказано, что одинъ туристъ французъ, побывавъ въ одномъ изъ нашихъ храмовъ за богослу- женіемъ, пришелъ въ восторгъ отъ чтенія Евангелія. Въ постепенномъ возвышеніи голоса отъ самыхъ низ- кихъ до самыхъ высокихъ нотъ съ заключительной громовой нотой слушатель—французъ усмотрѣлъ *чистый и тихий тонъ*. Такое чтеніе Евангелія, отъ кото- раго пришелъ въ восторгъ слушатель — туристъ, у насъ вошло въ повсемѣтный обычай къ большому удовольствію однихъ и къ меньшему недоумѣнію другихъ богомольцевъ. Откуда взялся этотъ обычай — сказать не можемъ, но онъ существуетъ давно и едва ли не появился впервые въ Москвѣ, которая, какъ исконная любительница церковнаго благолѣпія, всегда любила сильные хорошіе голоса какъ въ пѣніи, такъ и въ чтеніи и, какъ это обыкновенно бываетъ, въ увлеченіи хорошими голосами впала въ крайность.

Вотъ, напр., характерное дѣло 1753 года. Сту- дентъ академіи А. Некрасовъ, назначенный преосвя- щеннымъ Платономъ во діакона къ Московской Спас- кой, въ Наливкахъ, церкви, ходилъ въ показанную церковь взять „заручную“ отъ прихожанъ. Священ- никъ церкви объявилъ Некрасову, что прихожанинъ ихъ, купецъ С. В. Азбукинъ, который-де имѣетъ ста- рательство о церкви, склонилъ всѣхъ прихожанъ и его, священника, дать заручную *церковнику—горла- ну* Китайскаго сорока церкви Великомученицы Па- раскевы, что у Гостиннаго двора. Тѣмъ не менѣе, священникъ представилъ Некрасова Азбукину, ска- залъ, что онъ, Некрасовъ,—студентъ богословія и же- лаетъ поступить къ нимъ во діакона. На первый разъ Азбукинъ ограничился небольшимъ замѣчаніемъ, что ему богословіе не нужно; но когда Некрасовъ сталъ на клиросъ, принявъ участіе въ чтеніи, Азбукинъ при-

бѣгъ къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Онъ „съ без- честіемъ и стыдомъ немалымъ согналъ его (Некрасова) съ клироса“. Послѣ же литургіи „Азбукинъ и его партизаны, „всячески поношающе, говорили, что имъ школьникомъ отнюдь не надобно, и пусть школьники идутъ въ седа и учать тамо деревенскихъ мужиковъ, а Московскіе жители до нихъ-де еще переучены, да и лучше ихъ; и ежели школьникъ впредъ придетъ въ ихъ церковь,—они генеральное опредѣленіе положили —метлой изъ церкви выгнать!)“.

Въ настоящее время подобное генеральное опредѣ- леніе любителей громогласія не можетъ имѣть мѣста и тяготѣніе *къ церковникамъ—горланамъ*, уступая тре- бованію времени, выражается въ болѣе мягкой формѣ. Не особенно давно въ Москвѣ былъ такой случай. Въ одинъ изъ храмовъ Замоскворѣчья мѣстный церковный староста, купецъ, человѣкъ богатый, только-что избран- ный на должность, пригласилъ на какое-то торжество извѣстнаго тогда всей Москвѣ соборнаго священника, своимъ превосходнымъ звучнымъ голосомъ неподра- жаемо хорошо читавшаго акаѣисты, но склоннаго по- вышать голосъ при чтеніи Евангелія. Въ мѣстѣ съ со- борнымъ священникомъ приглашенъ былъ и протодіа- конъ изъ Успенскаго собора, кажется, покойный Я. В. Россовъ, который и прежде приглашался въ этомъ храмѣ въ престольные праздники. Мѣстный настоя- тель, человѣкъ извѣстный, заслуженный протоіерей (теперь тоже покойный), служившій очень тихо, скром- но сталъ на второе мѣсто, тогда какъ прибывшій по- сѣдѣшилъ занять первое. Чтеніе апостола староста по- ручилъ одному изъ пѣвчихъ, — конечно, басу. Та- кимъ образомъ, волею старосты почти весь причтъ былъ отодвинутъ на второй планъ. Привыкшіе уже къ замѣнѣ своего діакона соборнымъ, прихожане бы- ли непрятно удивлены замѣной любимаго настоятеля, и одинъ изъ нихъ, говорятъ, высказалъ старостѣ та- кую похвалу: „хорошо служили: одинъ лучше друго- го. Въ слѣдующій разъ,—доживемъ,—пригласимъ и звонаря съ Ивана Великаго, да ужъ заодно попрошу я и NN (одинъ изъ прихожанъ, чуть-ли не военный) надѣтъ всѣ ордена и стать къ Вамъ за ящикъ. То-то будетъ великолѣпіе!“— Шутка обидная, но заслужен- ная. Приведенный случай приглашенія голосистаго священника для замѣны слабоголосаго настоятеля ед- ва-ли не единственный въ Москвѣ, а замѣна мѣстныхъ діаконовъ соборными—явленіе настолько обычное, что никто этому ни мало не удивляется, и оо. діаконы без- прекословно уступаютъ и свое мѣсто и свою прямую обязанность постороннему¹⁾. А обычай этотъ во вся-

¹⁾ Ист. Моск. Еп. Управ. Н. Розанова.

²⁾ Обычай этотъ, кажется, существуетъ только въ Мо- сквѣ, провинція его не практикуетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ викарныхъ преосвященныхъ, прибывшій на викаріатство въ Москву изъ другой епархіи и незнакомый съ ея обычаями, захалъ случайно въ одинъ изъ храмовъ, гдѣ

комъ случаѣ — нѣчто ненормальное, могущее логически привести къ тому, что по желанію ли старосты или другого кого не одинъ діако́нъ, а и всѣ наличные члены причта могутъ быть временно отстранены отъ своихъ обязанностей. Намъ извѣстенъ случай, что, когда одинъ изъ приходскихъ діаконовъ, уже облачившійся для совершенія вѣнчанія, не пожелалъ свѣять стихарь, чтобы отдать его совершенно неожиданно явившемуся на вѣнчаніе соборному діако́ну, — послѣдній нашелъ возможнымъ принести на приходскаго діако́на жалобу. Жалоба нѣсколько странная, но важно въ данномъ случаѣ то, что она имѣла мѣсто, что о. соборный діако́нъ счелъ себя обиженнымъ и стремился возстановить свои права совершать приходскія требы, гдѣ ему вздумается.

Несомнѣнно, хорошій, сильный голосъ для умѣлаго чтеца — цѣнный даръ Божій, способный проникнуть въ глубину сердца всякаго богомольца, какъ-бы далеко онъ ни стоялъ отъ читающаго, но несомнѣнно и то что и соборные оо. діаконы и пѣвчіе — басса приглашаются не столько ради хорошаго чтенія, сколько ради оглушительнаго громогласія. Ни для кого не тайна, что у насъ извѣстная часть общества такъ болѣзненно любитъ громогласное чтеніе бассовъ, что нарочно приѣзжаютъ за нѣсколько верстъ, чтобы прослушать чтеніе Евангелія или возгласеніе многолѣтія какимъ либо голосистымъ діако́номъ, приносятъ въ церковь камертоны, чтобы опредѣлить, какую верхнюю ноту взялъ чтець, приглашаютъ на служеніе, платятъ большія деньги и проч.

О вкусахъ, конечно, не спорятъ, и нисколько не предосудительно любить сильный голосъ и находить наслажденіе въ слуханіи самыхъ крикливыхъ нотъ, но едва ли это умѣстно въ храмѣ, во время молитвы. Заѣзжій французъ зашелъ въ нашу церковь только изъ любопытства. Ничего не понимающему по славянски, совершенно незнакомому съ нашимъ богослуженіемъ, извинительно отыскивать лишь музыкальныя красоты въ пѣніи и стиль въ чтеніи. Но что извинительно французу, то не извинительно для русскаго православнаго человѣка, и еще менѣе извинительно для тѣхъ, кто сознательно нарушаетъ своимъ крикомъ церковное благочиніе и разсѣваетъ молитвенное настроеніе предстоящихъ. Правда, нашъ уставъ различаетъ чтеніе тихое и чтеніе *вышнимъ гласомъ*, но

совершалось всеобщее бѣднѣе по случаю храмоваго праздника, и былъ немало удивленъ служенію въ храмѣ приглашеннаго чужаго діако́на. Преосвященный сдѣлавъ по этому поводу замѣчаніе мѣстному о. діако́ну, считая его произвольно уклоняющимся отъ служенія въ своемъ храмѣ, да еще въ праздникъ, — такъ что мѣстному настоятелю пришлось убѣждать преосвященнаго въ существованіи въ Москвѣ подобнаго обычая, чтобы снять обвиненіе съ о. діако́на. Видно, подобный обычай казался преосвященному новымъ и ненормальнымъ.

едва ли для кого можетъ быть сомнѣніе, что степень усиленія голоса въ послѣднемъ случаѣ никакъ не должна быть такою, при которой до послѣдняго предѣла напрягаются жилы, лицо краснѣетъ, глаза закатываются подъ лобъ... Это уже не чтеніе слова Божія, а безчинный крикъ, нарушающій благочиніе въ храмѣ, за что и по церковнымъ и по гражданскимъ законамъ виновные подлежатъ наказанію. Громогласное, въ должной конечно мѣрѣ, возгласеніе многолѣтія, сопровождаемое такимъ же громогласнымъ пѣніемъ: „многая лѣта“ — понятно, и имѣетъ свою мысль, но какая мысль въ *готическомъ* чтеніи, напр. Евангелія, въ этой оглушающей конечной нотѣ — совершенно не понимаемъ. Особенно громогласны бываютъ соборные діаконы, не въ соборѣ, а на сторонѣ, *на халтурѣ*, но не имъ первый укоръ. Приняты въ соборъ, благодаря хорошему голосу, приглашаемые на сторону именно для громогласнаго служенія, они по мѣрѣ силъ поддерживаютъ традицію соборнаго діако́нства и имѣютъ на это особыя побужденія, а прекрасные голоса и умѣнье владѣть ими значительно ослабляютъ то неприятое впечатлѣніе, которое получается отъ нарушенія плавнаго хода богослуженія. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о приходскихъ оо. діаконахъ. Въ большинствѣ случаевъ не обладающіе сильнымъ голосомъ и недостаточно искусные, они иногда проявляютъ стремленіе подражать соборнымъ и тоже кричатъ, что выходитъ уже совсѣмъ нехорошо, и въ ихъ чтеніи никакой туристъ не могъ бы уловить никакого стиля. Примѣру діаконовъ слѣдуютъ псаломщики, а также любители — міряне. Вообще у насъ замѣтна какая-то болѣзненная манія къ крику въ церкви. Даже нѣкоторые священники иногда не сдерживаются и громко-громко заканчиваютъ чтеніе Евангелія.

Если крикливое чтеніе въ церкви — явленіе ненормальное, болѣзненное, дисгармонирующее и съ духомъ и съ чиномъ богослуженія, то ему нужно положить предѣлъ; а если въ основаніе его вложена какая либо высокая идея, хотя бы только оправдывающая этотъ крикъ, она должна быть ясно и открыто выражена, чтобы тѣ богомольцы, которые жалуются на этотъ крикъ, знали, что ихъ жалобы неосновательны, что это не безчинный вопль, не готикъ только, что чтеніе Евангелія, Апостола и Паремій требуетъ сильнѣйшаго напряженія и возвышенія тона, и притомъ не все чтеніе, а только конечныя строки. Въ заключеніе приведемъ слѣдующій случай, бывший очень недавно въ Москвѣ. Въ одинъ богатый, нѣкогда барскій, а теперь наполовину купеческій, приходъ былъ приглашенъ на служеніе одинъ изъ соборныхъ оо. діаконовъ. Почтенный о. діако́нъ, приглашенный въ этотъ храмъ въ первый разъ, поусердствовалъ: масса голоса наполнила весь обширный храмъ, а конецъ Евангелія и многолѣтіе слышны были на улицѣ. Когда, по окончаніи богослуженія, мѣстный причтъ по обычаю пошелъ по приходу со святой водой, едва не въ каждой

квартирѣ ему приходилось выслушивать сужденія о служившемъ діаконѣ. Всѣ удивлялись силѣ голоса, но въ тоже время мнѣнія были совершенно противоположны: одни выражали желаніе приглашать этого діакона и потомъ, другіе заявляли, что такъ кричать въ храмѣ рѣшительно не возможно, что на этотъ разъ они не могли даже молиться. Если прибавить, что крикливое чтеніе, разсѣивающее молитвенное настроеніе предстоящихъ, никогда не обходится безъ того, что бы кто вибуть такъ или иначе не заявилъ протеста, то болѣе сказать намъ нечего.

Д. Н. К.—вз.
(Моск. Церк. Вѣд.).

Слово свѣтскаго человѣка о народномъ театрѣ.

Въ послѣднее время энергично проповѣдуется идея народнаго театра и не только проповѣдуется, но и болѣе или менѣе дѣятельно проводится въ жизнь. Тамъ и сямъ устраиваются народные театры. Въ одномъ Петербургѣ ихъ оказывается чуть ли не десятковъ, есть они и въ другихъ городахъ. Идея сама по себѣ, могла бы быть названа очень симпатичною, если бы польза театральныхъ зрѣлищъ для народа оказалась несомнѣнною. Театръ проще всего и доступнѣе всего дѣйствуетъ на массу, какъ просвѣтительное средство. Но вопросъ въ томъ, какъ мы можемъ дать народу театръ въ чистомъ и благородномъ значеніи этого слова, если мы до сихъ поръ не сумѣли для себя создать такого театра? Негдѣ дѣвать правды, театральное искусство у насъ быстрыми шагами идетъ не впередъ, а назадъ. Прошло то время, когда артистъ вступалъ на сцену, какъ въ храмъ, въ которомъ можно было только священнодѣйствовать. Можетъ быть, это было уже и черезчуръ, но за то такое отношеніе къ искусству оберегало его отъ пошлости, отъ профанация. Тогда и о театрѣ писали не съ такимъ легкимъ сердцемъ, не съ такой легкой совѣстью: вспомните хотя бы театральныя статьи сороковыхъ годовъ. Нынѣшняя-же сцена, нынѣшній театръ сплошь и рядомъ не храмъ искусства, а увеселительное заведеніе, проповѣдующее плохо скрытый развратъ, если не развратъ тѣла, то во всякомъ случаѣ развратъ мысли и воображенія. Достаточно сказать, что на столичныхъ театрахъ идетъ „Дама отъ Максима“, какъ боевая сезонная пьеса!

Откуда-же взялось это вырожденіе театральнаго искусства? Обыкновенно всѣ стараются вину свалить другъ на друга. Публика винитъ антрепренеровъ и артистовъ, а эти въ свою очередь винятъ публику: „по Сенькѣ, молъ, шапка! Каковъ спросъ, таково предложеніе“. Вѣрнѣе всего, что вина и здѣсь, и тамъ,—въ общемъ пониженіи нравственнаго уровня въ обществѣ, и въ этомъ смыслѣ всѣ дружно рабо-

тають, такъ сказать, подъ круговой порукой. Театральная литература поставляетъ драматическія произведенія, которымъ въ литературномъ смыслѣ грошъ цѣна, а съ нравственной точки зрѣнія и цѣны не подберешь, какъ продуктамъ самыхъ низменныхъ и пошлыхъ сторонъ человѣческаго духа; актеры олицетворяютъ на сценѣ эти сомнительныя произведенія съ усердіемъ, а часто и съ талантомъ, достойными лучшей участи; зрители воспринимаютъ эту духовную пищу ничто-же сумняся, часто даже не мозгами, а непосредственно желудкомъ, и всѣ довольны и счастливы, не вдаваясь въ метафизическія и головоломныя тонкости о задачахъ театральнаго искусства,—благодаря этимъ задачамъ совлечены съ прежняго высокаго Олимпа и приурочены къ просторнымъ и общедоступнымъ заламъ простаго шато-кабака. На западѣ этотъ новый театральный духъ дѣйствуетъ еще откровеннѣе, чѣмъ у насъ; но мы не отстаемъ отъ Запада и смѣло можемъ рассчитывать въ скоромъ времени превратиться въ самыхъ настоящихъ западниковъ.

Такъ стоитъ-ли, повторяю, навязывать народу этотъ нашъ театръ? Вѣдь народъ передъ вліяніемъ театра еще беззащитнѣе насъ. Сами испакостившись, имѣемъ-ли мы нравственное право испакостить также и „меньшую братью“? Вотъ о чемъ слѣдовало бы хорошенько подумать, прежде чѣмъ заводить рѣчи о народномъ театрѣ. Выражаясь вульгарно, къ нашему театру сначала слѣдуетъ приставить хорошаго санитаря и дезинфектора,—и только послѣ того, какъ овъ окончитъ свою нелегкую и грязную работу, можно рискнуть предложить этотъ театръ народу.

Мой пессимистическій взглядъ на театръ, конечно требуетъ оговорокъ. Я употребилъ это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, относя къ сценическимъ зрѣлищамъ и всѣ шато-кабаки, „Альказары“, „Аркадія“ и пр. Но если даже серьезный театръ не можетъ удержаться на высотѣ и спускается до оперетки, шансонетки и „дамы отъ Максима“, то какая-же гарантія для театра народнаго? Если „интеллигентная“ публика все это смакуетъ и захлебывается, то какъ удержаться отъ такого „духа“ народный театръ?

(Изъ „Кіевл.“).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Весьма полезная педагогическая книга. *Изъ Савенкова. Учитель русской народной школы и его обязанности. Дидактическій сборникъ. Варшава 1900 года стр. 511. Цена 2 р. 50 к.*

Дидактическій сборникъ г. Савенкова въ сущности опытъ хрестоматіи по дидактикѣ начальнаго обученія, затрогивающій многіе вопросы, связанные съ народнымъ просвѣщеніемъ. Желательно, чтобы этотъ первый опытъ не былъ послѣднимъ, потому что сборникъ даже и теперь является весьма полезною кни-

гою; нужно предполагать, что г. Савенковъ будетъ продолжать свой трудъ, потому, что самъ авторъ признаетъ свою работу незаконченной и не исполнившей удовлетворяющей его замысламъ.

Педагогическая хрестоматія по плану автора — книга несомнѣнно желательная и необходимая: помимо того, что она побуждаетъ къ самообразованію, она возбуждаетъ и самостоятельность мышленія читателя, котораго авторъ неоднократно склоняетъ къ внимательной проверкѣ всѣхъ особенно основныхъ педагогическихъ понятій, причемъ людямъ незнакомымъ съ логикою и непривычнымъ расплетать различныя логико-софистическія ухищренія, даетъ простые практическіе совѣты разлагать и сопоставлять воспитательные вопросы. Это не бесполезно въ словесной борьбѣ съ людьми сомнительными по своему образу мыслей, находящихся даже удовольствіе въ сбиваніи не только съ толку, но и съ пути людей малообразованныхъ, простодушныхъ, не окрѣвшихъ въ вѣрѣ или временно колеблющихся.

Слушать систематическую длинную рѣчь одного мыслителя, какъ бы ни былъ онъ даровитъ, искусенъ и увлекателенъ въ изложеніи, всегда тяжело и даже скучно; когда же приходится, по разнымъ обстоятельствамъ, обрывать чтеніе или бесѣду, и потомъ опять начать чтеніе или снова слушаніе своего собеседника, чрезъ нѣсколько дней и даже недѣль, тогда оказывается, что многія мысли забылись, стали не ясны. Когда же дидактическій матеріалъ разбитъ на параграфы, въ которыхъ мнѣнія различныхъ авторовъ перемѣшаны съ краткими афоризмами и сентенціями, тогда чтеніе идетъ легче, мысли усваиваются тверже; если же что и забылось, то, по приложенному алфавитному указателю, легко навести справку. Кстати, въ самомъ указателѣ, приложенномъ къ „Сборнику“ ясно видны замыселъ автора дать сельскимъ учителямъ педагогическій словарь. Это первый опытъ въ нашей педагогической литературѣ, — и будетъ весьма прискорбно, если автору не удастся вполне закончить обработку этой части его труда.

До самаго недавняго времени у насъ думали, что отъ школьнаго учителя требуется только, чтобы онъ зналъ тотъ предметъ, который онъ преподаетъ своимъ ученикамъ. Вся забота учителя по отношенію къ своимъ ученикамъ ограничивалась только желаніемъ сообщить ученикамъ какъ можно больше свѣдѣній по преподаваемому имъ предмету. Обязанность и воспитывать ученика не лежало на учителѣ. Этого мало. Сельскимъ школамъ и начальнымъ народнымъ учителямъ послѣдователи крайняго утилитаризма стали предъявлять самыя разнообразныя и самыя настоячи-

выя требованія, земледѣльческія, промышленныя и даже экономическія, отодвигая на послѣднее мѣсто не только общеобразовательныя, но и религіознонравственныя задачи начальной школы. Г. Савенковъ въ своемъ Сборникѣ „Учитель“ смотритъ на сельскаго учителя, какъ на образецъ для дѣтей въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Дидактическій его „Сборникъ“ знакомитъ учителя со многими изреченіями великихъ древнихъ и новыхъ философовъ, св. отцевъ и педагоговъ. Въ этихъ мнѣніяхъ уясняются для учителя его обязанности по отношенію къ церкви, къ Царю, къ школѣ, къ самому себѣ, къ учебному начальству, къ духовенству, къ родителямъ учащихся и къ другимъ учителямъ.

Г. Савенковъ называетъ себя только „составителемъ Сборника“, но значительная часть мыслей въ этомъ „Сборникѣ“ принадлежитъ ему самому. А его мысли имѣютъ авторитетное значеніе, какъ плоды его многолѣтнихъ наблюденій и опытности.

Весьма полезна эта книга и для законоучителя; въ ней изложено много мыслей относительно воспитанія на основаніи слова Божія и учителей церкви. Намъ думается, что эта книга можетъ служить прекраснымъ подаркомъ для лицъ уже оканчивающихъ курсъ учительской семинаріи, а равно и для лицъ уже поступившихъ на поприще учителя сельской школы; приподнесеніе учителю этой книги въ видѣ подарка служило бы выраженіемъ желанія, чтобы онъ воспитывалъ и училъ дѣтей такъ, какъ говоритъ эта книга. Весьма полезно выписать эту книгу и для приходской бібліотеки.

Замѣтка.

— Какъ удалить неприятный запахъ рукъ. При обращеніи съ сильно пахучими веществами руки долго удерживаютъ подчасъ весьма неприятный и рѣзкій запахъ мускуса, рыбьяго жира, керосина и т. п. Чтобы избавиться отъ него достаточно хорошенько вытереть руки горчичной мукой, распущенной въ водѣ до кашицеобразнаго состоянія. Если затѣмъ сполоснуть ихъ чистой водой, то отъ прежняго запаха не остается и слѣда.

(Спутникъ здоровія).

Содержаніе: Отдѣлъ I. Отчетъ комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ (окончаніе). — Письмо председателя Суворовской комиссіи и начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба. — Пожертвованія. — Отдѣлъ II. Молитвенное обращеніе ко всѣмъ святымъ. — Нравственность высшаго круга польскаго общества въ періодъ паденія Польши. — Нѣсколько словъ о громогласномъ чтеніи въ церкви. — Слово свѣтскаго человѣка о народномъ театрѣ. — Библиографія. — Замѣтка.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется. — Варшава, 25 Августа 1900 года. — Цензоръ, Каѳедральный Протоіерей К. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Краковское-Предмѣстье, № 3.